

**Indicare le due lingue prescelte**

Francese	[ ]	Inglese	[ ]	Russo	[ ]	Spagnolo	[ ]	Tedesco	[ ]
----------	-----	---------	-----	-------	-----	----------	-----	---------	-----

Scuola Superiore di Lingue Moderne per Interpreti e Traduttori – Università di Bologna – Sede di Forlì  
Prova di verifica dell'adeguatezza della preparazione – 15 settembre 2009

**Parte I – Durata 120 minuti complessivi**

*Tradurre verso l'italiano i testi delle due lingue prescelte  
pensando ad un pubblico e ad un contesto di pubblicazione analoghi.*

**Tedesco****Das Fremde in uns** (von K. Zinkant)

Viele Menschen tragen Zellen in ihrem Körper, die nicht ihre eigenen sind. Die Fremdlinge können tödliche Krankheiten auslösen – oder Leben retten.

Die Eindringlinge kamen, bevor das neue Leben richtig beginnen konnte. Wenige Wochen blieben dem Baby, bis es an einer Krankheit starb, die sonst Jahre oder gar Jahrzehnte braucht, um zu töten. Doch die dunklen Zellen waren da, und so erlag das Neugeborene einem Hautkrebs. Die Ärzte hatten so etwas noch nicht gesehen.

Als ein britischer Mediziner den Fall vor 60 Jahren in einem Fachblatt beschrieb, schenkte dem kaum jemand Beachtung. Zwar vermuteten US-Forscher bald, dass der Krebs von der Mutter in das Ungeborene eingedrungen war. Bloß fehlte jede Erklärung, wie das passiert sein konnte. Die Plazenta, der Mutterkuchen, galt als unüberwindbare Schranke. Auch für Zellen.

Ein Irrtum, wie Forscher heute wissen. Viel häufiger als Krebszellen pflegen nämlich völlig gesunde Zellen einen lebhaften Grenzverkehr zwischen Schwangeren und Embryonen. Und die Plazenta ist keine Einbahnstraße: Neue Studien zeigen, dass Mütter auch Zellen des Kindes aufnehmen. Diese Eindringlinge nisten oft Jahrzehnte in Organen wie Herz, Knochenmark, Haut oder Bauchspeicheldrüse – Mikrochimärismus nennt sich das. Selbst in hohem Alter können diese Zellen noch ins körperliche Geschehen eingreifen.

“Die Folgen sind so umfassend wie die Biologie selbst”, sagt Lee Nelson vom Hutchinson Cancer Research Center in Seattle. Die Expertin für Autoimmunkrankheiten glaubt, dass die Erkenntnisse ein ganz neues Kapitel in der Medizin schreiben werden.

(da: ZEITonline, 08.04.2009)

**Russo****Российский павильон на 53-й Венецианской биеннале**

7 июня открылась 53-я Венецианская биеннале (*The Venice Biennial*), один из самых известных форумов современного искусства в мире. За день до открытия выставки происходит распределение премий; “Золотого льва” за лучшую экспозицию получил павильон США. Лозунг экспозиции этого года - “Создавая миры” (*Making Worlds*). Куратор выставки Daniel Birnbaum объяснил свою задумку желанием показать разнообразие креативного процесса. Многие критики посчитали, что идея реализована успешно. Выставка призвана дать пищу раздумьям художников и публики о глобализации. При этом, в связи с экономическим кризисом, организаторы постарались максимально уменьшить расходы и сэкономили миллион евро.

4 июня начал работу и российский павильон, в котором пройдет коллективная выставка “Победа над будущим” с участием известных русских художников.

“Победа как феномен имеет бесконечное количество философских, культурологических, социальных, этических и художественных интерпретаций. В начале XXI века кризис парализовал общество не столько экономической стагнацией, сколько страхом перед будущим. Опираясь на личный художественный опыт и глубоко укорененные в современном русском искусстве традиции русского авангарда, участники русского павильона проблематизируют и метафоризируют эту тему, создавая собственные художественные миры” – сообщается в официальном пресс-релизе проекта.

Венецианская Биеннале – старейшая выставка современного искусства, которая проводится с 1895 года. Россия участвует в биеннале с 1914 года. Свои экспозиции Россия и по сей день представляет в павильоне, созданном Алексеем Щусевым. В прошлом году там же была представлена выставка “Партия в шахматы. Турнир за Россию”, где русские и иностранные звезды “играли” за право на создание нового архитектурного образа России.

(da: *Культура и стиль жизни*, 09.06.2009)

## Francese

**2009, année bioéthique** (par Anne Vidalie)

De quoi s'agit-il? La France s'est dotée de ses premières lois de bioéthique en 1994. Objectif: donner un encadrement législatif aux innovations médicales qui impliquent une manipulation du vivant, des expérimentations sur l'homme à la procréation assistée, avec le souci de trouver un "point d'équilibre entre la protection des droits fondamentaux de la personne et la non-entrave aux progrès de la recherche". Cette législation a posé une série de principes, érigés en alpha et oméga de la bioéthique à la française: respect de la dignité de l'individu, indisponibilité du corps humain - qui interdit la location ou la vente de tout ou partie de celui-ci - anonymat et gratuité du don.

La loi adoptée en 2004 a interdit le clonage, reproductif ou thérapeutique, ainsi que la recherche sur les cellules souches embryonnaires, à l'exception d'expérimentations "susceptibles de permettre des progrès thérapeutiques". Elle a également ouvert le cercle des personnes pouvant effectuer un don d'organe à l'ensemble des membres de la famille et à celui ou celle qui partage la vie du receveur depuis plus de deux ans. Cette législation doit, à son tour, faire l'objet d'une révision pour tenir compte des progrès scientifiques et médicaux et de l'évolution de la société.

Sur ces sujets, la législation ressemble de plus en plus à un tigre de papier. En effet, des couples en mal d'enfant contournent chaque année l'interdit et vont chercher sous des cieux plus cléments ce qu'on leur refuse en France - ovocytes en vente en Espagne ou en Grèce, mères porteuses légales dans de nombreux Etats américains et canadiens, fécondation in vitro ouverte aux couples gays en Belgique.

(da: *L'Express*, 04.02.2009)

## Spagnolo

**Toreros** (Manuel Vincent)

El arte consiste en representar en un cuadro, como lo hizo Goya, ese momento en que el toro entra al caballo y el picador escarba con la puya en el morrillo para inferirle una herida cuya sangre le llegará a la pezuña. El arte consiste en pintar esa brutalidad, pero no en realizarla. El arte consiste en llevar al lienzo de forma magistral ese momento en que un paisano le mete la faca en la tripa al caballo de un mameluco un 2 de mayo o captar al día siguiente esa fracción de segundo en que un rebelde abre los brazos ante la descarga de plomo en los desmontes de la Moncloa al ser fusilado por los franceses. Aunque ese paisano, llevado por la cólera, clavara con habilidad la faca hasta el puño y el pelotón abriera fuego a su cabeza con absoluta exactitud, no por eso los llamaremos artistas. Llamar arte a la destreza de pasarse a un toro por la tripa manipulando una tela es un despropósito, y al despropósito se añade la degradación e incluso la ignominia si el ministerio de Cultura equipara ese oficio a la labor de los poetas, pintores, músicos, premiando cada año con una medalla similar al torero de turno. A lo largo de la historia la cultura en España ha sufrido una continua humillación pero ninguna caída es comparable al hecho de que el ministerio haya elevado oficialmente a la categoría de arte la tortura de un animal, que se ofrece al público como espectáculo.

(da: *El País*, 10.05.2009)

## Inglese

**The return of the seaside pier** (Jonathan Glancey)

"They had their glory days in the 1950s. But then Britain's magnificent seaside piers were allowed to fall into disrepair. Now they're staging a comeback".



*A murmuration of starlings over Brighton Pier*

It is the longest pleasure pier in the world – so long, in fact, that it even has its own train, the Sir John Betjeman, ready to whisk you off to its furthest point, 1.3 miles out over the waltzing waves. For 23 years, this little train has been trundling along the iron and timber expanse of Southend pier at little more than the pace of a seaside donkey, ferrying day-trippers and holiday-makers out to a stop by the water's edge – for no particular purpose except to see the sea, scoff ice cream, and perhaps to fish, but mostly to while away the time, as the gulls circle overhead and the smell of vinegary chips mingles with the salty air.

Although it was chiefly built to catch the sun, on a foggy day the end of Southend pier can be one of the most bewitching places in Britain. That view of a seemingly infinite expanse of tidal waters disappears, while behind you Southend itself is nowhere to be seen – the pier stretches into nothingness. It's just you and the sound of water slapping against the limbs of this great Victorian plaything, as the odd mournful hooter sounds out there in the murk.

(da: *The Guardian*, 21.06.2009)

